

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'276.6:34+81'42

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-263-277>

М. В. Батюшкина
Омск, Россия

Marina V. Batyushkina
Omsk, Russia

**Законы об утверждении документов
программно-целевого характера: жанровый
подход**

**Laws on Approval of Program-goal Documents:
Genre Approach**

В статье представлены результаты исследования функциональных и формально-содержательных особенностей текстов российских законов, которыми утверждены документы программно-целевого характера (стратегии развития, концепции, программы, прогнозны планы и т. п.).

В основе работы – жанровый, дискурсивный и иные подходы к исследованию текстов законов, законодательного пространства в целом.

Отмечается, что, с одной стороны, данный тип законов отражает общие особенности моделирования и трансформации современного юридического дискурса; воспроизводит институциональную специфику законотворческого процесса; транслирует законотворческие интенции, стратегии и тактики.

С другой стороны, законы, которыми утверждаются документы программно-целевого характера, обладают особыми характеристиками, позволяющими отнести данные законы к отдельному жанровому / субжанровому типу.

Субжанр закона определяется на основе следующих параметров: (1) интенция-намерение автора; (2) цель и функции закона; (3) фактор субъекта юридического дискурса (адресант / адресат закона); (4) пространственно-временные и иные обстоятельство-определяющие характеристики, отраженные в тексте закона либо подразумеваемые (кем принят и подписан закон, в течение какого периода и на какой территории применяется и др.); (5) тип институционального действия; (6) внутрисистемный институциональный статус закона; (7) предметно-тематический «радиус» текста; (8) формальное сегментирование текста; (9) особенности корреляции функционально-семантических типов речи; (10) степень унифицированности, субжанровые маркеры и клише.

Формальная и содержательная структуры программно-утверждающих законов рассматриваются автором на основе дотекстовых и посттекстовых реквизитов, внутритекстовых компонентов (статей), посттекстового приложения (утверждаемого документа). Данные сегменты анализируются с различных точек зрения: обязатель-

The article presents the results of a study of the functional, formal and substantive features of the texts of Russian laws, which approve program-goal documents (development strategies, concepts, programs, forecast plans, etc.).

The article is based on discourse and genre approaches to the study of legislative texts, the legislative text space as a whole.

It is noted that, on the one hand, this type of laws reflects the general features of modeling and transforming of modern legal discourse; reproduces the institutional aspects of the legislative process; broadcasts legislative intentions, strategies and tactics.

On the other hand, laws that approve documents of a program-goal nature have distinctive characteristics that allow defining these laws as a separate subgenre type.

The subgenre of law is defined by the author on the basis of the following parameters: (1) intention of the author; (2) the purpose and functions of the law; (3) the factor of the subject of legal discourse (author/addressee of the law); (4) spatio-temporal and other circumstantially determining characteristics reflected in the text of the law explicitly or implicitly (who adopted and signed the law, during which period and in which territory it is applied, etc.); (5) type of institutional action; (6) the institutional status of the law within the system of laws; (7) subject-thematic “radius” of the text; (8) formal segmentation of text; (9) features of the correlation of functional semantic types of speech; (10) degree of uniformity, subgenre markers and clichés.

The formal and informative structures of program-approving laws are analyzed on the basis of the following segments: pretext and post-text details, intra-text components, post-text application (approved document). These segments are analyzed from various points of view: obligation, localization, combinatorics, unification, etc.

When conducting research, special attention is paid to structural, typological, comparative and other types of analyzes.

ности, локализации, комбинаторики, унификации и др.

При проведении исследования особое внимание уделяется структурному, типологическому, сравнительному и иным видам анализов.

Ключевые слова: текст закона; субжанр; функция, форма и содержание закона; текст, утвержденный законом.

Keywords: the text of the law; subgenre; function, form and content of the law; statutory text.

Сведения об авторе: Батюшкина Марина Владимировна, кандидат педагогических наук, старший консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства.

Место работы: Законодательное Собрание Омской области.

E-mail: soulangeana@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

About the author: Batyushkina Marina Vladimirovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Consultant of the Department Linguistic Expertise and Legislation Systematization.

Place of employment: Legislative Assembly of Omsk Region.

E-mail: soulangeana@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1472-5953>

Вводные замечания

Современный национальный юридический дискурс демонстрирует не только масштабные системы законодательных текстов, но и сложившиеся подходы к их созданию и толкованию. Вербальное моделирование социально-исторического контекста, регулярное обновление предметного репертуара юридического дискурса осуществляются с помощью законов разного тематического содержания, но сходной формальной структуры. В зависимости от функционально-смысловой доминанты, получающей различное выражение, тексты законов могут быть отнесены к тому или иному жанровому / субжанровому типу¹.

При этом в отличие от общих жанровостилевых особенностей правовых текстов, рассматриваемых и лингвистами, и правоведами (Н. Д. Голев, О. Н. Киянова, С. П. Кушнерук, А. С. Пиголкин, О. П. Сологуб и др.), своеобразии функциональных и формально-содержательных характеристик законов разных субжанров до настоящего времени не получило достаточного освещения. Между тем исследование данного вопроса актуально не только для развития научно-лингвистических представлений о природе закона, но и для совершенствования лингвоэкспертной практики. Чем более исследован закон, тем выше его качество и меньше вероятность искажения смысла правовых норм [2: 112].

Почему при сравнительном исследовании и описании текстов законов продуктивно применение именно жанрового / субжанрового подхода?

Жанр не только типовая, но и структурирующая модель построения речевого целого, позволяющая предугадывать форму, объем и содержание этого целого (М. М. Бахтин, А. Вежбицка, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, Н. В. Орлова, Т. В. Шмелева и др.). Как верно отмечает В. В. Дементьев, «жанры (разные, но иногда и одни и те же) могут быть и источником речевой системности, и источником ее вариативности» [3: 15].

Именно жанровый / субжанровый подход позволяет исследовать специфику закона как дискурсивного феномена, а также отличие юридического дискурса, в котором зарождается и для целей которого существует законодательный текст, от дискурсов иных видов. В свою очередь, методологическая ценность дискурсивного анализа (Н. Д. Арутюнова, Т. А. ван Дейк, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, В. Е. Чернявская, М. Фуко и др.) связана с обнаружением институционализированной практики создания законов, интертекстуальных отношений и порождаемых ими импликаций, аспектов «юридического функционирования русского языка» (понятие Н. Д. Голева [4: 139]).

Кроме того, имеющиеся плодотворные разработки в области жанроведения и теории дискурса позволяют сформировать базовые положения исследования законодательных текстов (см., также: [5]).

Во-первых, на первоначальном, идейном этапе планирования текста закона (когда адресант-автор должен ответить на вопросы: «для чего создается закон?», «какова его конечная цель?», «какие языковые и речевые средства необходимо использовать для того, чтобы точ-

¹Под типом текста вслед за Р. Н. Комаровой мы понимаем «класс текстов, традиционно используемых для достижения определенных коммуникативных целей в типовых условиях общения» [1: 3].

но и правильно выразить правовую мысль, оформить ее в виде связного и целостного текста?») формируются законотворческие интенции, ключевыми из которых являются:

- нормоустановление – создание и принятие правовых норм, лежащих в основе регулирования тех или иных сфер общественных отношений;
- нормоизменение – трансформация ранее принятых правовых норм в связи с необходимостью изменения аспектов регулирования общественных отношений либо устранения несогласованности норм одного закона / разных законов друг с другом;
- нормоприостановление – признание правовой нормы временно «бездействующей», обусловленное какими-либо обстоятельствами, при которых невозможно либо нецелесообразно регулирование тех или иных аспектов общественных отношений с помощью закона;
- нормоотмена – исключение норм закона (в целом закона) из пространства законодательных текстов в связи с утратой необходимости регулирования общественных отношений определенного вида с помощью данных норм (этого закона);
- норморазъяснение – устранение реального или потенциального неоднозначного понимания и применения нормы.

Во-вторых, законотворческие интенции предопределяют стратегии и тактики, которые используются адресантом-автором при создании текста закона.

Вслед за отечественными лингвистами (Е. Л. Доценко, Ю. А. Ермаков, О. С. Иссерс, С. Г. Кара-Мурза, О. Н. Паршина, В. Е. Чернявская и др.) мы рассматриваем коммуникативную стратегию в качестве общего плана, регулирующего тему, содержание и форму текста, выбор и комбинирование средств, которые обеспечивают речевое формулирование целей высказывания и ожидаемый коммуникативный эффект, т. е. программируемую реакцию адресата.

Но, вместе с тем, полагаем, что при создании законодательных текстов адресанты-авторы реализуют и сугубо законотворческие стратегии:

- программно-информационную – трансляция информации об объектном, субъектном и процессуальном параметрах юридического дискурса, формирование у адресата аутентичного смыслообразования;
- императивную – передача волеизъявления, тотальность воздействия закона;
- стереотипизации – создание сценариев и поведенческих алгоритмов, унификация форм трансляции информации;

- персуазивную – воздействие на волю и сознание адресатов закона, побуждение их к реализации определенных программ и алгоритмов действий;
- стимулирующую – формирование материальных и духовных стимулов поведения, представления о «неотвратимости» наказания за нарушение закона;
- экспликативную – прогнозирование будущих событий и ситуаций для правильного понимания адресатом закона данных событий и ситуаций;
- языкотворческую – формирование представления о государственном языке («сугубо юридическом феномене» [6: 15]), на котором создаются тексты законов и осуществляется деловая коммуникация;
- текстотворческую – создание текстов законов определенных типов с учетом сложившихся продуктивных моделей юридических текстов, законотворческой интенции адресанта-автора и функционально-смысловой доминанты текста.

Каждая из указанных стратегий, в той или иной степени, выполняет три основных функции: информативную (передача информации), когнитивную (воздействие) и коммуникативную (организация коммуникации). При создании текста законопроекта законотворческие стратегии реализуются в виде взаимосвязи тактических средств: вербальных (частотность отглагольных существительных и юридических клише, продуктивность метонимии, функционального переноса, инверсии и др.) и невербальных (изображения гербов, графические особенности размещения текста и др.).

В частности, исследование формально-содержательной структуры закона, прежде всего, предполагает анализ явно выраженных сегментов: дотекстовых и послетекстовых реквизитов, внутритекстовых компонентов (собственно текста закона), послетекстового приложения. В свою очередь, составные элементы данных сегментов могут быть рассмотрены с позиций: обязательности / факультативности, комбинаторики, локализации, последовательности / произвольности расположения, повтора, степени унификации и клишированности (синтаксической однотипности), альтернативности (взаимозаменяемости), формальной «выделенности» границ (начала и конца).

В-третьих, на базе корреляции законотворческих интенций, стратегий и тактик можно сформировать представление об основных (суб)жанрообразующих параметрах законодательных текстов: интенции-намерении автора; цели и функции закона; факторе субъекта юридического дискурса (адресанте / адресате

закона); пространственно-временных и иных обстоятельно-определяющих характеристиках; типах институционального действия; внутрисистемном институциональном статусе закона; предметно-тематическом «радиусе» текста; формальном сегментировании текста; особенностях корреляции функционально-семантических типов речи; степени унифицированности (шаблонах, маркерах, клише).

С учетом обозначенных установок представим результаты исследования федеральных и региональных законов, которыми утверждены документы программно-целевого характера². Программно-утверждающие законы относятся к субжанровому типу нормоутверждающих законов. При проведении исследования применены принципы дискурсивного, жанрологического, структурно-типологического, сравнительного, текстуального и интертекстуального анализов.

Общие результаты исследования программно-утверждающих законов

Предметом рассматриваемых законов является утверждение документов программно-целевого характера (стратегий, концепций, программ, прогнозных планов и др.), направленных на комплексное развитие той или иной сферы общественных отношений. Такое развитие осуществляется посредством моделируемых ситуаций и действий и является прогнозируемым результатом применения закона и утвержденного им документа. Тип институционального действия, которое осуществляет адресант для «активации» моделируемых ситуаций и действий (*утверждение*), отражает общую субжанровую специфику программно-утверждающих законов.

С точки зрения продуктивности, данный тип законов не типичен для общенационального уровня законодательства³. В качестве исключения можно назвать Федеральный закон № 51-ФЗ, которым в 2000 году была утверждена Федеральная программа разви-

тия образования. На региональном уровне процесс принятия программно-утверждающих законов характеризуется разной степенью продуктивности⁴. Но большинство региональных документов программно-целевого характера утверждается подзаконными актами⁵.

В связи с общими (на первый взгляд) признаками программно-утверждающих законов и программно-утверждающих подзаконных актов возникает ряд вопросов. Обусловлены ли жанровые особенности программно-утверждающих подзаконных актов спецификой программно-утверждающих законов? Можно ли рассматривать тексты программно-утверждающих законов модификацией текстов программно-утверждающих подзаконных актов? Имеются ли основания для того, чтобы говорить о формировании своего рода «межжанра» программно-утверждающих правовых текстов? Чтобы ответить на эти и другие вопросы, необходимо провести отдельное исследование специфики подзаконных актов, которыми утверждаются тексты документов программно-целевого характера, выявить общее, сопоставить отличия законов и подзаконных актов. Принимая во внимание необходимость такого исследования, далее мы говорим только о специфике законодательных текстов.

Несмотря на низкую частотность программно-утверждающих законов (по сравнению, например, с базовыми или нормоизменяющими законами) и принятие, главным образом, на региональном уровне, в юридическом дискурсе законы данного типа (как и законы других субжанров) позиционируются в качестве официальных документов, наделенных «юридической силой» закона и имеющих идентифицирующие знаки уникальности и подлинности (реквизиты). Программно-утверждающие законы являются неотъемлемыми элементами законодательного пространства, создаются, трансформируются и признаются «утратившими силу» таким же образом, как и законы иных

²Тексты законов анализировались на основе системы «Консультант Плюс Регион» и Официального интернет-портала правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>).

³На общегосударственном уровне документы программно-целевого характера вводятся в юридический дискурс с помощью подзаконных актов. См. напр.: Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690; постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 327; приказ Росгвардии от 06.02.2019 № 33.

⁴В частности, по данным справочно-правовой системы «Консультант Плюс Регион», в период с 1 января 1993 года по 1 ноября 2019 года принято:

от 50 до 100 законов – в Алтайском, Краснодарском, Пермском краях; Хакасии, Калининградской, Кемеровской, Рязанской, Самарской, Томской, Ульяновской областях;

от 10 до 50 законов – в Бурятии, Удмуртии, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестане, Татарстане, Ненецком АО, Чукотском АО, Ивановской, Иркутской, Нижегородской, Пензенской, Ростовской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Ярославской областях;

менее 10 законов – в Камчатском, Красноярском, Ставропольском краях, Алтае, Коми, Мордовии, Чувашии, Якутии, Карачаево-Черкесии, Амурской, Архангельской, Белгородской, Вологодской, Курской, Мурманской, Новосибирской, Омской, Сахалинской, Тульской областях.

⁵См., напр.: постановление Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580; постановление правительства Тульской области от 04.03.2019 № 75.

субжанров, а потому не могут быть проигнорированы при описании данного пространства.

Особенности реквизитов. Специфика оформления реквизитов программно-утверждающих законов позволяет отнести их к общежанровым признакам законов, за исключением наименования (см. ниже).

Реквизиты являются обязательными атрибутами закона (жанровыми маркерами), передают «первичную» информацию о законе, выделяют его из ряда прочих законов (в целом правовых текстов), задают определенный вектор читательского смыслового восприятия. Сам факт отображения той или иной информации в реквизите делает эту информацию официальной, приобретающей юридический смысл и статус, «юридизированной» (понятие Н. Д. Голева [7: 142]). С другой стороны, реквизиты отражают параметры законотворческого процесса (кем принят закон, когда и кем подписан), свидетельствуют о завершенности данного процесса.

При указании реквизитов соблюдаются последовательность и стандарты оформления. Неприменение стандартов может привести к «функциональной недействительности документа» [8: 29]. Оформление реквизитов обусловлено правилами языка и сложившимися юридико-техническими требованиями. Последние, реализуясь наряду с правилами русского языка или вопреки им, в некоторых случаях «ограничивают диапазоны речевой вариативности», «жестко определяют состав и структуру соответствующего речевого фрагмента» (Там же).

Вслед за С. П. Кушнеруком реквизиты закона могут быть отнесены к (а) реквизитам, реализуемым посредством иконических знаков, и (б) реквизитам, реализуемым посредством знаков, закрепленных в освоенных социумом буквенно-цифровых системах.

К иконическим знакам относится изображение герба, располагаемое сверху титульного листа закона перед иными реквизитами и основным текстом. Изображение герба передает однозначно понимаемую участниками деловой коммуникации информацию о государственно-территориальном образовании, в границах которого действует закон; является знаком «особой важности содержания документа, высокого уровня официальной инстанции» [9:

22], транслирующей юридически значимую информацию в форме закона.

Иные реквизиты в зависимости от расположения относительно основного текста закона (до или после), а также относительно друг друга, являются либо дотекстовыми, либо послетекстовыми.

Проведенный анализ законов показал, что, как правило, в качестве дотекстовых реквизитов указываются: герб; название «Российская Федерация» и/или название субъекта РФ (далее для обозначения данных реквизитов мы используем понятие «название государственно-территориального образования»); наименование вида нормативного правового акта (напр.: *Областной закон, Закон Омской области* и т. п.); наименование закона; дата принятия закона (в федеральных законах еще и дата одобрения закона). К послетекстовым реквизитам относятся подпись, место и дата подписания, регистрационный номер и печать⁶.

При оформлении реквизитов используется два типа конструкций:

- с фиксированным составом компонентов (название государственно-территориального образования, наименование вида закона, официальное название должности лица, подписавшего закон, а также место подписания – при создании законов одного региона воспроизводятся без изменения);
- с переменным составом компонентов (наименование закона зависит от функционально-смысловой доминанты законодательного текста, дата подписания и номер обусловлены процессуальными параметрами законотворческого процесса).

Адресант закона выражен с помощью официального названия должности лица, подписавшего закон. Субъект-автор текста не эксплицирован. Представление об адресате формируется на основе названия государственно-территориального образования и наименования закона, поскольку положения закона распространяются на тех лиц, которые находятся на территории «действия» закона.

Наименование закона формулируется в зависимости от функционально-смысловой доминанты текста, а потому относится к субжанрообразующему параметру. Наименование программно-утверждающего закона следует после видонима⁷ (названия вида

⁶Обратим внимание на то, что рядом региональных законов утверждены официальные наименования реквизитов, которые не всегда соответствуют наименованиям, являющимся общепринятыми в сфере делопроизводства. Примеры: «полное наименование органа, принявшего акт», «заголовок, обозначающий предмет регулирования» (ст. 34 закона Калужской области от 25.07.1995 № 12); «обозначение вида нормативного правового акта», «наименование нормотворческого органа, принявшего нормативный правовой акт», «место и дата принятия (издания) нормативного правового акта» (ст. 21 закона Республики Хакасия от 11.03.2015 № 18-ЗРХ).

⁷С точки зрения соотносительности с видонимом, наименование программно-утверждающего закона может быть рассмотрено либо в качестве дополнения, либо в качестве определения, сравните: *закон* [о чем?] или [ка-

нормативного правового акта) и начинается с субжанрового маркера – имени институционального действия *Об утверждении*. Как будет показано ниже, информация о данном институциональном действии повторяется в основном тексте закона с помощью субжанрового маркера-инфинитива «утвердить»⁸.

Наименование программно-утверждающего закона позволяет сформировать первичное («дотекстовое») представление не только о цели-предмете закона – утверждении как институциональном действии, но и об объекте данного институционального действия, т. е. утверждаемом документе. На основании лексических компонентов («ключевых» слов) названия утверждаемого документа можно сделать предположение:

- о форме и примерном содержании документа (*стратегия, программа* и т. д.);
- «целевом» предмете, как правило, выражаемом с помощью отглагольного существительного (*развитие, обеспечение, управление, поддержка* и др.);
- сфере регулирования, предметно-тематическом «радиусе» текста (*образование, государственные язык, ипотека, строительство* и т. д.);
- территории, на которую распространяется регулирование (выражается с помощью топонима – названия государственно-территориального образования: *г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Саратовская область* и др.);
- сроке либо периоде действия документа и, соответственно, правового регулирования (при указании срока используется конструкция *до ... года*; при указании периода применяются конструкции *на ... год, с ... года по ... год, на плановый период ... и ... годов* и т. д.).

От того, какие сведения и в какой последовательности отражены в названии утверждаемого документа, насколько детально они раскрыты, зависит состав наименования программно-утверждающего закона. В ходе анализа материала нами отмечены следующие варианты формулирования наименований законов данного субжанрового типа (табл. 1).

Варианты (1), (2) и (3) используются в тех случаях, когда одним законом утверждается один документ. Вариант (4) применяется

при утверждении одним законом нескольких документов. В качестве нетипичного следует назвать вариант (5), который предусматривает указание реквизитов утверждаемого документа без формулы об утверждении (хотя такая формула применяется в основном тексте закона).

Форма документа может быть представлена в качестве родового (*программа, стратегия, план*) или видового, расширенного обозначения (*областная целевая программа, краевая целевая программа, комплексная стратегия, прогнозный план*); включена в границы названия утверждаемого документа (вариант 1) либо вынесена за границы названия (варианты 2, 3 и 5).

Между компонентами названия может быть как грамматическое и смысловое, так и только смысловое согласование. Например, название «*Об утверждении областной целевой программы “Здоровый ребенок” на 2005–2008 годы*» состоит из следующих компонентов: субжанрового маркера (*Об утверждении*) – видового обозначения названия формы утверждаемого документа (*областная целевая программа*) – названия (предмета-цели) утверждаемого документа в кавычках («*Здоровый ребенок*») – периода действия утверждаемого документа (*на 2005–2008 годы*). Первый, второй и четвертый компоненты связаны грамматически и по смыслу, между вторым и третьим компонентами смысловая связь выражена формально с помощью кавычек и прописной буквы первого слова названия утверждаемого документа.

Особое внимание обратим на вариативное написание (с прописных / строчных букв) названия формы утверждаемого документа, его родового / видового обозначения и, соответственно, маркирование названия формы документа в качестве имени собственного либо нарицательного. Сравните: *Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года* (Закон Алтайского края № 86-ЗС) – *Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года* (Закон Архангельской области № 57–5-ОЗ). В отличие от строчной прописная буква не просто выполняет бомльшую индивидуализирующую функцию, обладая психолингвистической значимостью для носителей пись-

кой?] «*Об утверждении Программы “Картофель Сахалина” на 2000–2005 годы*» (закон Сахалинской области от 16.10.2000 № 221).

⁸Отметим, что сходная практика обозначения в названии и тексте институционального действия-цели применяется при создании законов иных субжанров, в частности: нормоизменяющих (в названии – *О внесении изменений в закон ...*, в тексте – *Внести в закон ... следующие изменения*), нормоприостанавливающих (в названии – *О приостановлении действия закона ...*, в тексте – *Приостановить действие закона ...*), нормоотменяющих (в названии – *О признании утратившим силу закона ...*, в тексте – *Признать утратившим силу закон ...*). Структура законов данных субжанровых типов сходна со структурой сценариев ситуаций, которые они порождают.

Таблица 1 / Table 1

Типовые модели наименований программно-утверждающих законов
 Typical models of names of software-approving laws

Номер варианта и типовая конструкция наименования		Примеры	
		Формулировка наименования	Источник
1	Субжанровый маркер «Об утверждении» + название утверждаемого документа (форма – предмет – территория – срок / период действия)	<i>Об утверждении Стратегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года</i>	Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ
		<i>Об утверждении Прогнозного плана (программы) приватизации имущества Пензенской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов</i>	Закон Пензенской области от 08.12.2017 № 3118-ЗПО
2	Субжанровый маркер «Об утверждении» + видовое обозначение утверждаемого документа в Р. п. + название утверждаемого документа в кавычках (предмет – территория – срок / период действия)	<i>Об утверждении краевой программы «О государственной поддержке и развитии малого предпринимательства в Алтайском крае на 2005–2007 годы»</i>	Закон Алтайского края от 15.04.2005 № 26-ЗС
		<i>Об утверждении областной целевой программы «О совершенствовании организации обеспечения мировых судей в Калининградской области на 2006–2010 годы»</i>	Закон Калининградской области от 30.09.2005 № 654
3	Субжанровый маркер «Об утверждении» + видовое обозначение утверждаемого документа в Р. п. + название утверждаемого документа в кавычках (предмет либо территория) + срок / период действия	<i>Об утверждении Программы «Картофель Сахалина» на 2000–2005 годы</i>	Закон Сахалинской области от 16.10.2000 № 221
		<i>Об утверждении областной целевой программы «Здоровый ребенок» на 2005–2008 годы</i>	Закон Калининградской области от 30.11.2004 № 460
4	Субжанровый маркер «Об утверждении» + обобщенное определение утверждаемых документов в Р. п. + предмет-сфера регуляции (в области..., в сфере...)	<i>Об утверждении краевых целевых программ в области здравоохранения</i>	Закон Алтайского края от 12.02.2002 № 8-ЗС
5	Видовое обозначение утверждаемого документа в П. п. + название утверждаемого документа в кавычках (предмет – территория – срок / период действия)	<i>О республиканской целевой программе «Автомобильные дороги Республики Алтай (2008–2010 годы)»</i>	Закон Республики Алтай от 23.07.2007 № 39-РЗ

менного языка, она позволяет выделить особо значимые слова (с позиции автора текста) и мотивирует их соответствующее восприятие адресатом.

Основной текст программно-утверждающего закона, как правило, состоит из статьи об утверждении документа программно-целевого характера и статьи об особенностях внутрисистемной адаптации закона. Кроме этого, отмечаются низкочастотные варианты

текстов, в которых: (а) статья об утверждении предваряется статьей преамбульного характера, содержащей информацию о предпосылках и основании утверждения документа программно-целевого характера; (б) после статьи об утверждении приводятся статьи об аспектах финансирования реализации утверждаемого документа⁹ или (в) о признании ранее принятого закона, которым был утвержден иной программный документ, утратившим силу¹⁰.

⁹О примерах (а) и (б) см., в частности, Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования».

¹⁰См., напр.: закон Калининградской области от 30.11.2004 № 460 «Об утверждении областной целевой программы «Здоровый ребенок» на 2005–2008 годы», которым наряду с утверждением новой программы признается утратившим силу ранее принятый закон «Об утверждении областной целевой программы «Безопасное материнство» на 2002–2005 годы».

Формально-логическая связь между двумя и более статьями выражается повторами маркеров – названий структурных единиц закона и порядковой нумерацией (*Статья 1. Статья 2*). Статьи не имеют названий. Такое унифицированное обозначение используется и в текстах законов иных субжанровых типов.

Конструкция статьи об утверждении обусловлена следующими факторами: во-первых, сколько документов утверждается – один или более; во-вторых, каков состав названия утверждаемого документа (об этом сказано выше); в-третьих, с помощью каких юридических клише (слов, словосочетаний), выражающих доминантно-подчинительные связи закона и прилагаемого к нему документа, и в какой последовательности делается ссылка на приложение к программно-утверждающему закону, в котором представлен утверждаемый документ; и наконец, предваряется ли положение об утверждении мотивировочным комментарием, в роли которого, как правило, выступает ссылка на ранее принятый закон.

Формула об утверждении выражается с помощью инфинитивного предложения, образованного на основе субжанрового маркера – инфинитива совершенного вида «*утвердить*». Данный маркер эксплицирует активное действие адресанта текста закона (того, кто подписывает закон), обязательность и законченность этого действия, отображает институциональный процесс утверждения, мысленно происходящий в момент речи и распространяющийся на ближайшее коммуникативное будущее. Поскольку положение об утверждении является текстообразующим и передается с помощью заголовочного и внутритекстового субжанровых маркеров, текст программно-утверждающего закона в целом приобретает характеристики императивной модальности и темпоральной процессуальности.

Ссылка на приложение выполняет связующую функцию между текстом закона и текстом утверждаемого документа. В зависимости от локализации ссылки – «до» либо «после» названия утверждаемого документа – выбирается тот или иной вариант юридического клише. Если ссылка размещается до названия, используется определение «*прилагаемый*», согласованное в роде, падеже и числе с наименованием формы документа (*прилагаемая программа, прилагаемый план*). При размещении ссылки после названия утверждаемого документа используются такие выражения, как *согласно приложению, согласно приложению к настоящему Закону* (название закона не воспроизводится), либо заключенный в скобки глагол настоящего времени единственного числа 3-го лица – (*прилагается*). Если утверждаемых докумен-

тов несколько, ссылка на каждый из них размещается после названия, обозначается существительным «*приложение*» и нумеруется, например: *приложение 1, приложение 2* и т. д.

Мотивировочный комментарий вводится с помощью производного предлога – юридического клише *в соответствии с*, выполняющего не только связующую функцию, но и выражающего отношения, которые, по словам Т. Чуеакаева, Е. С. Шереметьевой, могут быть определены как «действие, отвечающее эталону» [10: 176].

Отметим, что подобные ссылки и мотивировки частотны не только в законодательных (в целом правовых), но и научных текстах, они привносят в транслируемую информацию оттенки достоверности, наглядности, обладают воздействующим эффектом и считаются адресатом в качестве убедительных, не требующих дополнительных пояснений.

Результаты сравнения особенностей конструирования статей об утверждении отражены в табл. 2.

Следует отметить, что выраженность формулы о приложении определением, используемая в варианте (1), ограничивает применение данного варианта конструкции в случаях, когда при указании формы документа совмещаются названия в мужском и женском роде, например: *план (стратегия), план (программа)* и т. п. Это влечет нарушение грамматического согласования слов, на которое не всегда обращается внимание. Во многих региональных законах (например, в законе Пензенской области № 3118-ЗПО) используется формулировка *утвердить прилагаемый Прогнозный план (программу) приватизации*, в которой нарушено согласование определения «*прилагаемый*» (м.р.) и формы «*программу*» (ж.р.). На наш взгляд, при необходимости «двойного» наименования формы утверждаемого документа могут использоваться (2) или (3) варианты.

Для того чтобы составить представление о специфике статьи о внутрисистемной адаптации программно-утверждающего закона, необходимо учесть следующие общежанровые характеристики законов.

Во-первых, в юридическом дискурсе закон позиционируется в качестве персонифицированного активного субъекта волеизъявления, который «вступает в силу», «действует», «устанавливает» или «изменяет» правила организации государства и общества. Речевые формулы, с помощью которых выражается информация о законе как активном субъекте, регулярно воспроизводятся в законодательных текстах разных субжанров. Примеры: *Право частной собственности охраняется*

Таблица 2 / Table 2

Модели статей об утверждении, используемые в программно-утверждающих законах

Approval article models used in software-approving laws

Номера вариантов и конструкции статей об утверждении		Примеры	
		Текст статьи	Источник
1	Субжанровый маркер-инфинитив (<i>Утвердить</i>) + ссылка на приложение (определение) + название утверждаемого документа в В. п.	<i>Утвердить прилагаемую стратегию социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года</i>	Закон Алтайского края от 21.11.2012 № 86-ЗС
2	Субжанровый маркер-инфинитив (<i>Утвердить</i>) + название утверждаемого документа в В. п. + ссылка на приложение (<i>согласно ...</i>)	<i>Утвердить прогнозный план (программу) приватизации государственного имущества Калининградской области на 2017–2019 годы согласно приложению</i>	Закон Калининградской области от 30.03.2017 № 54
		<i>Утвердить Стратегию развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года согласно приложению к настоящему Закону</i>	Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ
3	Субжанровый маркер-инфинитив (<i>Утвердить</i>) + название утверждаемого документа в В. п. / обозначение формы документа – название утверждаемого документа в кавычках + ссылка на приложение в скобках (<i>прилагается</i>)	<i>Утвердить Стратегию социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года (прилагается)</i>	Закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС
		<i>Утвердить краевую программу «О государственной поддержке и развитии малого предпринимательства в Алтайском крае на 2005–2007 годы» (прилагается)</i>	Закон Алтайского края от 15.04.2005 № 26-ЗС
4	Мотивировочный комментарий (<i>в соответствии с</i>) + субжанровый маркер-инфинитив (<i>Утвердить</i>) + название утверждаемого документа в В. п. + ссылка на приложение в скобках (<i>прилагается</i>) (низкочастотен)	<i>В соответствии со статьей 19 Закона Ульяновской области от 6 мая 2002 года № 020-ОЗ «О порядке управления и распоряжения государственной собственностью Ульяновской области» утвердить отчет о выполнении Прогнозного плана (программы) приватизации государственного имущества Ульяновской области на 2009 год (прилагается)</i>	Закон Ульяновской области от 03.06.2010 № 80-ЗО
5	Субжанровый маркер-инфинитив (<i>Утвердить</i>) + обобщенное определение утверждаемых документов (форма + предмет) + перечень утверждаемых документов: название утверждаемого документа + ссылка на приложение (<i>приложениеⁿ</i>)	<i>Утвердить краевые целевые программы в области здравоохранения: Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера на 2002–2006 годы (приложение 1); Важнейшие направления специализированной и квалифицированной помощи на 2002–2006 годы (приложение 2); <...></i>	Закон Алтайского края от 12.02.2002 № 8-ЗС

законом (ст. 35 Конституции РФ); **Настоящий Закон, выражая уважение** ко всем народам, населяющим Удмуртскую Республику, **определяет** основные принципы регулирования общественных отношений в области использования и развития языков (преамбула к закону Удмуртской Республики от 06.12.2001 № 60-РЗ).

Во-вторых, специфика внутрисистемной адаптации закона в пространстве законодательных текстов зависит от общего либо

частного порядка «вступления» данного закона в «юридическую силу», которые, в свою очередь, обусловлены наличием или отсутствием в тексте данного закона положений о вступлении в силу и сроке действия закона или его отдельных положений.

Если положение о вступлении закона в «юридическую силу» (и соответствующая статья) отсутствует, такой закон вступает в силу в «общем» порядке. Например, не содержит такой статьи закон Ульяновской об-

ласти, утверждающий Программу управления государственной собственностью области на 2019 год (от 21.12.2018 № 172-ЗО). Для того чтобы определить срок вступления в силу данного закона и утвержденной им программы, необходима пресуппозиционная информация – обращение к Уставу Ульяновской области (п. 5 ст. 17), в котором содержится положение об общем порядке вступления областных законов в силу (по истечении десяти дней после дня их официального опубликования).

В-третьих, взаимообусловленность опубликования и вступления закона в силу передается с помощью устойчивых конструкций, построенных на основе сочетания юридических клише, которые выступают в пределах данных конструкций в роли постоянных (*Настоящий Закон, вступает в силу, официального опубликования*) или переменных компонентов (*со дня; после дня; в день, следующий за днем* и др.). Использование последних порождает вариативность, а в некоторых случаях синонимичность конструкций, сравните: *Настоящий Закон вступает в силу со дня его официального опубликования* (закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ); *Настоящий Закон вступает в силу после дня его официального опубликования* (закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗСО); *Настоящий Закон вступает в силу в день, следующий за днем его официального опубликования* (закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ).

В-четвертых, при определении срока может быть указана конкретная дата (а не промежуток времени) без указания на взаимосвязь с датой официального опубликования, например, *Настоящий Закон вступает в силу с 1 января 2018 года* (закон Пензенской области от 08.12.2017 № 3118-ЗПО). Порядок вступления в силу закона распространяется и на начало действия документа, утвержденного этим законом.

Как правило, действие законов в юридическом дискурсе бессрочное, за исключением тех, которые принимаются на определенный временной период, в частности: законов о бюджете (*Закон об областном бюджете на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов*), законов о мерах социальной поддержки (*Закон о величине прожиточного минимума пенсионера на 2019 год*). Предметом нашего рассмотрения являются законы, которыми, как правило, утверждаются документы на определенный срок или пери-

од. Актуальность таких «временных» законов ограничена обозначенным сроком / периодом, по истечении которого как тексты данных законов, так и тексты утвержденных ими документов используются лишь в качестве справочного материала, поскольку являются фактически недействующими.

Формально-содержательные особенности утверждаемых документов. Прежде всего, отметим, что тексты данных документов (программ, стратегий и проч.), несмотря на размещение в виде приложения к закону, лишены «жанровых примет» (термин Т. В. Шмелевой [11: 547]) законодательных текстов.

В утверждаемых документах совмещены элементы официально-делового, научного, публицистического и художественного стилей, отражены способы изложения, свойственные различным функционально-смысловым типам речи (повествованию, описанию, рассуждению, сообщению (информированию), волеизъявлению, определению, убеждению). Словесная информация сопровождается наглядной: цифрами, схемами, графиками, рисунками. Такое «нетипичное» приложение – характерный субжанровый признак программно-утверждающих законов, отличающий их от законов иных субжанров: базовых, норморазъясняющих, нормоизменяющих и др.

На титульном листе утверждаемого документа последовательно указываются: в правом верхнем углу – реквизит приложения (отсылка) к закону, которым утвержден данный документ; посередине – название документа, далее следует основной текст документа¹¹.

В отличие от текста программно-утверждающего закона, который, как правило, занимает одну страницу, объем утвержденного документа исчисляется десятками, в некоторых случаях сотнями страниц. Чем больше объем документа и соответственно передаваемой информации, тем сложнее внутрискруктурное деление на тома, разделы, части и т. д. При этом, какими бы ни были объем и выраженная структура, в тексте документа могут быть условно выделены либо вводная и описательная части, либо вводная, описательная и заключительная части.

Вводная часть (в некоторых документах именуется «введением», «паспортом») содержит информацию о правовой основе и подходах к разработке документа, его цели, исполнителях, этапах реализации, уровне

¹¹Текст Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года предвывает отрывок из стихотворения Льва Ошанина «Дума о Севастополе»: *Ты стоишь, / полон завтрашней думы большой, / Навсегда недоступный врагу. / Как ты славою стар, как ты молод душой, / Белый город на синем морском берегу* (см. закон г. Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС).

развития регулируемой сферы общественных отношений.

Положения, в которых формулируются цели и задачи, строятся на базе отглагольных существительных с общим значением «государственного строительства» (наиболее частотны: *повышение, обеспечение, развитие, совершенствование, модернизация, создание, формирование, реализация, введение, разработка*), с зависимыми словами в форме родительного падежа, напр.: *развитие рынка сервисных и инжиниринговых услуг* (закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ); *создание эффективной системы управления проектами развития* (закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС).

В описательной части излагаются предпосылки утверждения документа, пояснение его необходимости и своевременности, основные проблемы сферы регулируемых отношений, которые будут решены после принятия закона и реализации документа. В данной части преобладающими являются речевые штампы (напр.: *мировой масштаб, историческое наследие, передовые технологии, значительный вклад, приоритетные направления, долгосрочная перспектива, преимущественное развитие, опережающий рост, уровень жизни населения*), а также специальные термины и понятия, отражающие сферу правового регулирования (напр.: *ресурсоэффективность, геологоразведка, реинжиниринг, наукоемкие технологии, SWOT-анализ, платежеспособный спрос, потребители продукции, доходная часть бюджета*).

Отмечается употребление вводных слов, конструкций и оборотов, не характерных для законодательных текстов (напр.: *как показывает мировой опыт, по сути, однако, в первую очередь, учитывая изложенное*), а также слов, передающих экспрессию, оценочность, сравнение (напр.: *причем, уникальные характеристики, исключительно благоприятные, неизбежно влечет за собой, значительно меньше, острейшая проблема*). Нередко используются не общеупотребительные, а внутритекстовые сокращения используемых понятий. Примеры: *ЗЭБ – зона экономического благоприятствования, ИЧР – индекс человеческого развития, н/д – нет данных* (закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ).

В заключительной части, как правило, описываются ожидаемые результаты реализации утвержденного документа, а также действия, которые будут предприниматься субъектами юридического дискурса в определенные сроки для достижения обозначенных в документе целей. При этом используются такие опорные слова и словосочетания, как *планируется, ре-*

зультатом должно стать, будут созданы, будут продолжены.

Заключительные положения

Тексты российских законов характеризуются рядом общих универсальных признаков, свойственных жанру закона в целом (унификация структуры и предметного содержания, терминованность, генерализация, интертекстуальность, модальность долженствования, состав реквизитов и др.). Между тем любой текст закона функционирует в дискурсивном пространстве как представитель определенного субжанрового текстотипа. Общежанровые и субжанровые особенности законов обусловлены законотворческими интенциями, стратегиями и тактическими средствами их реализации.

Частотность законов определенного субжанра, обязательность и регулярность воспроизводства субжанровых маркеров и типовых конструкций свидетельствуют о продуктивности того или иного способа формализации правовой семантики, генерализации внутреннего пространства законодательных текстов.

Принятие на уровне ряда субъектов Российской Федерации законов программно-утверждающего типа (несмотря на их невысокую частотность) демонстрирует развитие региональных терминотворческих и в целом законотворческих традиций, имеющих некоторые отличия от общефедеральной правотворческой практики и нуждающихся в дополнительном исследовании с учетом корреляции жанрово-стилистического, дискурсивного и иных подходов.

Критерием отнесения законодательного текста к субжанру программно-утверждающих законов является наличие идентификационных функциональных и формально-содержательных признаков:

- во-первых, субжанровых маркеров: заголовочного «*Об утверждении*» и внутритекстового «*утвердить*», в которых объективируется активное институциональное действие адресанта по отношению к тексту закона и его предмету (утверждаемому документу) и определенный институциональный процесс, отражающий традиции законотворчества. Данные субжанровые маркеры, как и иные речевые маркеры, используемые в пространстве российских законов, локализованы, устойчивы по структуре, лаконичны и целостны по значению, выполняют информативную, интерпретирующую, выделительную и связующую функции;
- во-вторых, в наименовании и тексте программно-утверждающего закона выражена прямая взаимосвязь с текстом утвержда-

емого документа: с одной стороны, с помощью воспроизводства названия данного документа (в заголовке и тексте), с другой – с помощью клишированной ссылки на приложение (в тексте). Как наименование, так и текст закона (статьи об утверждении и внутрисистемной адаптации) моделируются с учетом воспроизводства сложившихся синтаксически однотипных конструкций. Этот признак сближает программно-утверждающие законы с законами иных субжанров (норморазъясняющими, нормоизменяющими, нормоотменяющими и др.); – в-третьих, программно-утверждающие законы и прилагаемые к ним документы, несмотря на функциональные и формально-содержательные различия, представлены в пространстве российских законов одновременно как элементы единого законодательного целого. Это, в частности, отличает данный подтип законов от законов, которыми ратифицируются договоры (тексты договоров не приводятся в приложении к закону), а также от законов иных субжанровых типов.

Безусловно, в рамках одной статьи не могут быть отражены все результаты проведенного исследования. В связи с рассмотрением функций, содержания и формы программно-утверждающих законов возникло немало вопросов: о совмещении в текстах программно-утверждающих законов жанровых характеристик текстов законов и подзаконных актов; о предметно-содержательных и композиционных особенностях утверждаемых документов; об эквивалентном переводе – в случае если предполагается публикация закона на нескольких государственных языках; об особенностях лингвоэкспертной оценки текста программно-утверждающего закона.

В силу специфики, многогранности, значимости для теории и практики моделирования и лингвистической экспертизы законодательных текстов, а также для процесса подготовки и дальнейшего профессионального развития специалистов правотворческой сферы, судебного дискурса, эти и другие вопросы заслуживают особого внимания и специального рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комарова Р. Н. Язык закона: лингвистические характеристики (на материале текста Германского гражданского уложения): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 21 с.
2. Киянова О. Н. Русский язык как государственный язык Российской Федерации в современных условиях // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2016. № 2. С. 106–116.
3. Дементьев В. В. Жанры в меняющемся мире: креационистские потенции речевых жанров и эпистемологические потенции теории речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 6–21. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>.
4. Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138–148.
5. Батюшкина М. В. Жанрообразующие параметры законодательных текстов: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 5–12. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/416/1>
6. Голев Н. Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
7. Голев Н. Д. О взаимодействии русской общенародной лексики и юридической терминологии в аспекте их юридизации и деюридизации // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 141–146.
8. Кушнерук С. П. Лингвистические корреляты документационных реквизитов как основной объект документационной лингвистики // Вестник Волгоградского

государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. № 1(30). С. 28–36.

9. Сологуб О. П. Официальность как организующее начало документной коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2016. № 1 (30). С. 18–27.

10. Чуеакаев Т., Шереметьева Е. С. Производный предлог «в соответствии с»: специфика сочетаемости // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9–1 (63). С. 173–177.

11. Шмелева Т. В. Речевые жанры // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник / Сибирский федеральный университет; под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск, 2014. С. 547–548.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

(приводится в последовательности цитирования)

1. Федеральный закон от 10.04.2000 № 51-ФЗ «Об утверждении Федеральной программы развития образования» // Собрание законодательства РФ. 2000. 17 апреля. № 16.
2. Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2010. 15 июня. № 128.
3. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 327 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Управление федеральным имуществом”» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2014. 24 апреля. № 0001201404240004.
4. Приказ Росгвардии от 06.02.2019 № 33 «Об утверждении типовых программ профессионального обучения для работы в качестве частных детективов» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. 7 марта. № 0001201903070034.

5. Постановление Законодательной Думы Томской области от 26.03.2015 № 2580 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Томской области до 2030 года» // Официальные ведомости Законодательной Думы Томской области. 2015. 28 апреля. № 40 (216).

6. Постановление правительства Тульской области от 04.03.2019 № 75 «Об утверждении государственной программы Тульской области “Развитие культуры и туризма Тульской области”» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2019. 7 марта. № 7100201903070001.

7. Закон Калужской области от 25.07.1995 № 12 «О нормативных правовых актах органов государственной власти Калужской области» // Весть. 1995. 1 августа. № 157.

8. Закон Республики Хакасия от 11.03.2015 № 18-ЗРХ «О нормативных правовых актах Республики Хакасия» // Вестник Хакасии. 2015. 11 марта. № 16.

9. Закон Сахалинской области от 16.10.2000 № 221 «Об утверждении Программы «Картофель Сахалина» на 2000–2005 годы» // Губернские ведомости. 2000. 27 октября. № 210 (1112).

10. Закон Республики Татарстан от 17.06.2015 № 41-ЗРТ «Об утверждении Стратегии развития топливно-энергетического комплекса Республики Татарстан на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2015. 22 июня. № 1600201506220001.

11. Закон Пензенской области от 08.12.2017 № 3118-ЗПО «Об утверждении Прогнозного плана (программы) приватизации имущества Пензенской области на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 11 декабря. № 5800201712110009.

12. Закон Алтайского края от 15.04.2005 № 26-ЗС «Об утверждении краевой программы “О государственной поддержке и развитии малого предпринимательства в Алтайском крае на 2005–2007 годы”» // Алтайская правда. 2005. 26 апреля. № 117–118.

13. Закон Калининградской области от 30.09.2005 № 654 «Об утверждении областной целевой программы “О совершенствовании организации обеспечения мировых судей в Калининградской области на 2006–2010 годы”» // Российская газета («Запад Сибири»). 2005. 7 октября. № 225.

14. Закон Калининградской области от 30.11.2004 № 460 «Об утверждении областной целевой программы “Здоровый ребенок” на 2005–2008 годы» // Российская газета («Запад Сибири»). 2004. 24 декабря. № 286.

15. Закон Алтайского края от 12.02.2002 № 8-ЗС «Об утверждении краевых целевых программ в области здравоохранения» // Алтайская правда. 2002. 28 февраля. № 54.

16. Закон Республики Алтай от 23.07.2007 № 39-РЗ «О республиканской целевой программе «Автомобильные дороги Республики Алтай (2008–2010 годы)» // Звезда Алтая. 2007. 31 июля. № 175–176.

17. Закон Алтайского края от 21.11.2012 № 86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года» // Алтайская правда. 2012. 29 ноября. № 350–354.

18. Областной закон Архангельской области от 18.02.2019 № 57–5-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года» // Официальный интернет-

портал правовой информации. 2019. 20 февраля. № 2900201902200003.

19. Закон Калининградской обл. от 30.03.2017 № 54 «Об утверждении прогнозного плана (программы) приватизации государственного имущества Калининградской области на 2017–2019 годы» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 4 апреля. № 3900201704040004.

20. Закон города Севастополя от 21.07.2017 № 357-ЗС «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2017. 24 июля. № 9200201707240001.

21. Закон Ульяновской обл. от 03.06.2010 № 80-ЗО «Об утверждении отчета о выполнении Прогнозного плана (программы) приватизации государственного имущества Ульяновской области на 2009 год» // Ульяновская правда. 2010. 9 июня. № 43–44.

22. Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (дата обращения: 10.10.2019).

23. Закон Удмуртской Республики от 06.12.2001 № 60-РЗ «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики» // Известия Удмуртской Республики. 2001. 18 декабря. № 196.

24. Закон Ульяновской области от 21.12.2018 № 172-ЗО «Об утверждении Программы управления государственной собственностью Ульяновской области на 2019 год» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2018. 26 декабря. № 7300201812260021.

25. Устав Ульяновской области // Ульяновская правда. 2005. 24 мая. № 51 (22.365).

26. Закон Кемеровской области от 26.12.2018 № 122-ОЗ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Кемеровской области до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2018. 28 декабря. № 4200201812280049.

REFERENCES

1. Komarova R. N. *Yazyk zakona: lingvisticheskiye karakteristiki (na materiale teksta Germanskogo grazhdanskogo ulozheniya)* [Language of the law: linguistic characteristics (based on the text of the German Civil Code)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2000. 21 p. (in Russian).

2. Kiyanova O. N. Russian language as the state language of the Russian Federation in modern conditions. *Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, 2016, no. 2, pp. 106–116 (in Russian).

3. Demytyev V. V. Genres in Changing World: Creationistic Potentials of Speech Genres and Epistemological Potentials of the Theory of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 1 (21), pp. 6–21 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-6-21>

4. Golev N. D. Legal terminology in the context of doctrinal interpretation. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 4, pp. 138–148 (in Russian).

5. Batyushkina M. V. Legislation texts in the genre aspect: the problem statement. *Tomsk State University Journal*, 2016, no. 416, pp. 5–12 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/416/1>

6. Golev N. D. Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 2008, no. 3 (4), pp. 5–17 (in Russian).

7. Golev N. D. On the interaction of Russian national vocabulary and legal terminology in the aspect of their legalization and legalization. *Dynamics of linguistic and Cultural Processes in Modern Russia*, 2018, no. 6, pp. 141–146 (in Russian).

8. Kushneruk S. P. Linguistic Correlates of Documentary Details as the Main Object of Documentary Linguistics. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 2016. № 1 (30), pp. 28–36 (in Russian).

9. Sologub O. P. Officialness as the organizing beginning of document communication. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 2016, no. 1 (30), pp. 18–27 (in Russian).

10. Chuekaev T., Sheremetyeva E. S. Derivative preposition “in accordance with”: specificity of compatibility. *Philological Sciences. Questions of Theory and Practice*, 2016, no. 9-1 (63), pp. 173–177 (in Russian).

11. Shmeleva T. V. Rechevyye zhanry [Speech genres]. In: A. P. Skovorodnikov, ed. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii), slovar' spravochnik. Sibirskii federal'nyi universitet* [Effective speech communication (core competencies) Reference dictionary. Siberian Federal University]. Krasnoyarsk, 2014, pp. 547–548 (in Russian).

SOURCES

1. Federal Law dated 10.04.2000 No. 51-ФЗ “On Approval of the Federal Program for the Development of Education”. *Meeting of the legislation of the Russian Federation*, 2000, April 17, no. 16 (in Russian).

2. Ukaz Prezidenta RF ot 09.06.2010 No. 690 “Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoy antinarkoticheskoy politiki Rossiyskoy Federatsii do 2020 goda” [Presidential Decree dated 09.06.2010 No. 690 “On approval of the Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation until 2020”]. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2010, June 15, no. 128 (in Russian).

3. Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 No. 327 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii ‘Upravleniye federal'nym imushchestvom’” [Decree of the Government of the Russian Federation dated 15.04. 2014 No. 327 “On Approval of the State Program of the Russian Federation ‘Management of Federal Property’”]. *Official Internet portal of legal information*, 2014, April 24, no. 0001201404240004 (in Russian).

4. Prikaz Rosgvardii ot 06.02.2019 No. 33 “Ob utverzhdenii tipovykh programm professional'nogo obucheniya dlya raboty v kachestve chastnykh detektivov” [Order of the Russian Guard dated 06.02.2019 No. 33 “On approval of model programs of vocational training to work as private detectives”]. *Official Internet portal of legal information*, 2019, March 7, no. 0001201903070034 (in Russian).

5. Postanovleniye Zakonodatel'noy Dumy Tomskoy oblasti ot 26.03.2015 No. 2580 “Ob utverzhdenii Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Tomskoy oblasti do 2030 goda” [Resolution of the Legislative Duma of the Tomsk Region dated 26.03.2015 No. 2580 “On Approval of the Strategy of Socio-Economic Development of the Tomsk Region until 2030”]. *Official Gazette of the Tomsk Region Legislative Duma*, 2015, April 28, no. 40 (216) (in Russian).

6. Postanovleniye pravitel'stva Tul'skoy oblasti ot 04.03.2019 № 75 “Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Tul'skoy oblasti ‘Razvitiye kul'tury i turizma Tul'skoy oblasti’” [Decree of the Government of the Tula region dated 04.03.2019 No. 75 “On approval of the state program of the Tula region”Development of culture and tourism of the Tula region”]. *Official Internet portal of legal information*, 2019, March 7, no. 7100201903070001 (in Russian).

7. Zakon Kaluzhskoy oblasti ot 25.07.1995 No. 12 “O normativnykh pravovykh aktakh organov gosudarstvennoy vlasti Kaluzhskoy oblasti” [The law of the Kaluga region dated 07.25.1995 No. 12 “On regulatory legal acts of state authorities of the Kaluga region”]. *Vesti* [News], 1995, August 1, no. 157 (in Russian).

8. Zakon Respubliki Khakasiya ot 11.03.2015 No. 18-ZRKH “O normativnykh pravovykh aktakh Respubliki Khakasiya [The Law of the Republic of Khakassia dated March 11, 2015 No. 18-3PX «On regulatory legal acts of the Republic of Khakassia”]. *Bulletin of Khakassia*, 2015, March 11, no. 16 (in Russian).

9. Zakon Sakhalinskoy oblasti ot 16.10.2000 No. 221 “Ob utverzhdenii Programmy “Kartofel’ Sakhalina” na 2000–2005 gody” [Sakhalin Oblast Law dated 16.10.2000 No. 221 “On Approval of the “Sakhalin Potato” Program for 2000–2005”]. *Provincial Gazette*, 2000, October 27, no. 210 (1112) (in Russian).

10. Zakon Respubliki Tatarstan ot 17.06.2015 No. 41-ZRT “Ob utverzhdenii Strategii razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa Respubliki Tatarstan na period do 2030 goda” [Law of the Republic of Tatarstan dated 17.07.2015 No. 41-ZRT “On Approval of the Strategy for the Development of the Fuel and Energy Complex of the Republic of Tatarstan for the Period until 2030”]. *Official Internet portal of legal information*, 2015, June 22, no. 1600201506220001 (in Russian).

11. Zakon Penzenskoy oblasti ot 08.12.2017 No. 3118-ZPO “Ob utverzhdenii Prognoznogo plana (programmy) privatizatsii imushchestva Penzenskoy oblasti na 2018 god i na planovyy period 2019 i 2020 godov” [Law of the Penza Region dated 08.12.2017 No. 3118-ZPO “On Approval of the Forecast Plan (Program) of Privatization of the Property of the Penza Region for 2018 and for the Planning Period of 2019 and 2020”]. *Official Internet portal of legal information*, 2017, December 11, no. 5800201712110009 (in Russian).

12. Zakon Altayskogo kraya ot 15.04.2005 No.26-ZS “Ob utverzhdenii krayevoy programmy ‘O gosudarstvennoy podderzhke i razvitiu malogo predprinimatel'stva v Altayskom kraye na 2005–2007 gody’” [The Law of the Altai Territory dated 15.04.2005 No. 26-ZS “On Approval of the Regional Program ‘On State Support and Development of Small Business in the Altai Territory for 2005–2007’”]. *Altai Pravda*, 2005, April 26, no. 117–118 (in Russian).

13. Zakon Kaliningradskoy oblasti ot 30.09.2005 No. 654 “Ob utverzhdenii oblastnoy tselevoy programmy ‘O sovershenstvovaniy organizatsii obespecheniya mirovykh sudey v Kaliningradskoy oblasti na 2006–2010 gody’” [The Law of the Kaliningrad Region dated 30.09.2005 No. 654 “On Approval of the Regional Target Program ‘On Improving the Organization of Supporting Magistrates’ Judges in the Kaliningrad Region for 2006–2010’”]. *Russian newspaper (“West of Siberia”)*, 2005, October 7, no. 225 (in Russian).

14. Zakon Kaliningradskoy oblasti ot 30.11.2004 No. 460 “Ob utverzhdenii oblastnoy tselevoy programmy

‘Zdorovyy rebenok’ na 2005–2008 gody” [The Law of the Kaliningrad Region dated 30.11.2004 No. 460 “On Approval of the Regional Target Program ‘Healthy Child’ for 2005–2008”]. *Russian newspaper. (“West of Siberia”)*, 2004, December 24, no. 286 (in Russian).

15. Zakon Altayskogo kraya ot 12.02.2002 No. 8-ZS “Ob utverzhdenii krayevykh tselevykh programm v oblasti zdavoookhraneniya” [The Law of the Altai Territory dated 12.02.2002 No. 8-3C “On Approval of Regional Target Programs in the Field of Healthcare”]. *Altai Pravda*, 2002, February 28, no. 54 (in Russian).

16. Zakon Respubliki Altay ot 23.07.2007 No. 39-RZ “O respublikanskoj tselevoj programme “Avtomobil’nyye dorogi Respubliki Altay (2008–2010 gody)” [The Law of the Republic of Altai dated 23.07.2007 No. 39-RZ «On the Republican Target Program ‘Roads of the Republic of Altai (2008–2010)’”]. *Star of Altai*, 2007, July 31, no. 175–176 (in Russian).

17. Zakon Altayskogo kraya ot 21.11.2012 No. 86-ZS “Ob utverzhdenii strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Altayskogo kraya do 2025 goda” [The Law of the Altai Territory dated 21.11.2012 No. 86-ZS “On Approval of the Strategy of Social and Economic Development of the Altai Territory until 2025”]. *Altai Pravda*, 2012, November 29, no. 350–354 (in Russian).

18. Oblastnoy zakon Arkhangel’skoy oblasti ot 18.02.2019 No.57–5-OZ “Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Arkhangel’skoy oblasti do 2035 goda” [The regional law of the Arkhangelsk region dated 18.02.2019 No. 57–5-OZ “On approval of the Strategy for the socio-economic development of the Arkhangelsk region until 2035”]. *Official Internet portal of legal information*, 2019, February 20, no. 2900201902200003 (in Russian).

19. Zakon Kaliningradskoy obl. ot 30.03.2017 No. 54 “Ob utverzhdenii prognoznogo plana (programmy) privatizatsii gosudarstvennogo imushchestva Kaliningradskoy oblasti na 2017–2019 gody” [Law of the Kaliningrad region dated 30.03.2017 No. 54 “On approval of the forecast plan (program) for the privatization of state property of the Kaliningrad region for 2017–2019”]. *Official Internet portal of legal information*, 2017, April 4, no. 3900201704040004 (in Russian).

20. Zakon goroda Sevastopolya ot 21.07.2017 No. 357-ZS “Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya goroda Sevastopolya do 2030 goda” [Law of the City of Sevastopol dated 21.07.2017 No. 357-ZS “On Ap-

proval of the Strategy for Socio-Economic Development of the City of Sevastopol to 2030”]. *Official Internet portal of legal information*, 2017, July 24, no. 9200201707240001 (in Russian).

21. Zakon Ul’yanovskoy obl. ot 03.06.2010 No. 80-ZO “Ob utverzhdenii otcheta o vypolnenii Prognoznogo plana (programmy) privatizatsii gosudarstvennogo imushchestva Ul’yanovskoy oblasti na 2009 god” [Law of the Ulyanovsk region dated 03.06.2010 No. 80-ZO “On approval of the report on the implementation of the Forecast Plan (Program) of the Privatization of State Property of the Ulyanovsk Region for 2009”]. *Ulyanovskaya Pravda*, 2010, June 9, no. 43–44 (in Russian).

22. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (v aktual’noy redaktsii) [Constitution of the Russian Federation (current version)] *Official Internet portal of legal information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201408010002> (accessed 10 November 2019) (in Russian).

23. Zakon Udmurtskoy Respubliki ot 06.12.2001 No. 60-RZ “O gosudarstvennykh yazykakh Udmurtskoy Respubliki i inykh yazykakh narodov Udmurtskoy Respubliki” [Law of the Udmurt Republic dated 06.12.2001 No. 60-RZ “On the State Languages of the Udmurt Republic and Other Languages of the Peoples of the Udmurt Republic”]. *News of the Udmurt Republic*, 2001, December 18, no. 196 (in Russian).

24. Zakon Ul’yanovskoy oblasti ot 21.12.2018 No. 172-ZO “Ob utverzhdenii Programmy upravleniya gosudarstvennoy sobstvennost’yu Ul’yanovskoy oblasti na 2019 god” [Law of the Ulyanovsk region dated 21.12.2018 No. 172-ZO “On approval of the State property management program of the Ulyanovsk region for 2019”]. *Official Internet portal of legal information*, 2018, December 26, no. 7300201812260021 (in Russian).

25. Ustav Ul’yanovskoy oblasti [Charter of the Ulyanovsk region]. *Ulyanovskaya Pravda*, 2005, May 24, no. 51 (22.365) (in Russian).

26. Zakon Kemerovskoy oblasti ot 26.12.2018 No. 122-OZ “Ob utverzhdenii Strategii sotsial’no-ekonomicheskogo razvitiya Kemerovskoy oblasti do 2035 goda” [The Law of the Kemerovo Region dated 26.12.2018 No. 122-OZ “On Approval of the Strategy for Social and Economic Development of the Kemerovo Region Until 2035”]. *Official Internet portal of legal information*, 2018, December 28, no. 4200201812280049 (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Батушкина М. В. Законы об утверждении документов программно-целевого характера: жанровый подход // Жанры речи. 2020. № 4 (28). С. 263–277. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-263-277>

For citation

Batyushkina M. V. Laws on Approval of Program-goal Documents: Genre Approach. *Speech Genres*, 2020, no. 4 (28), pp. 263–277 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-4-28-263-277>

Поступила в редакцию: 04.10.2019 / Принята: 04.12.2019 / Опубликовано: 30.11.2020

Received: 4 October 2019 / Accepted: 4 December 2019 / Published: 30 November 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)